

ДВА КРИТИЧЕСКИХ ЭТЮДА

НОВЫЕ ПИСАТЕЛИ И СТАРЫЕ ЧИТАТЕЛИ

(Александр Мерлин, Лидия Смоленская, Аркадий Полонский, публикации в мюнхенских газетах и журналах)

Один писатель рассказал мне про себя такую историю. Роман его был благосклонно принят к публикации «толстым» столичным журналом.

На вопрос писателя: «А кто же будет редактировать?» заведомо прозы с интонацией несколько злорадной быстро ответил: «Никто». (Помнится, мы в детстве так говорили: «Кто, кто? Конь в пальто. Вот кто»). И тут мой друг писатель испытал настоящий страх, кинулся домой, схватил свою рукопись и много ночей напролет, вот именно что «как орлица над орленком», хлопотал над ней пристрастно и внимательно, пробуя каждую фразу и каждое слово на слух, на вкус, на цвет, т.е. на всё, что положено. И даже, вы не поверите, проверял правописание.

Вот ведь, господи, как страшно остаться без редактора.

Но ничего не боятся наши новые писатели. Не ведают страха эти люди. «Мы не совки, совки не мы». Это там, в Совке, нужны были редакторы, злобные охранители литературного пространства, душители свободного слова, яростные блюстители выдуманных ими законов художественного творчества, всяких там композиций, метафор и образов.

Рогатки и препоны цензуры теперь позади.

А как приятно видеть составленные собственными ручками слова на страницах эмигрантских газет, журнальчиков и прочих бюллетеней. И свое имя и фамилию в типографском исполнении. Это ничего, что слова расставлены самым причудливым и строгим образом. Это такой приём. И если вы споткнулись на стихотворной строчке: «Пусть трубы крыш зениток словно жерла» или оторопело перечитываете такую: «Пусть нежный свет льёт на твою могилу/ на острове святого Михаила/ большого неба глаз голубизна», то вы просто ничего не понимаете, вы вырвали строку из контекста и ищите смысл там, где его не должно быть. Поэтический смысл, чтоб вы знали, это нечто особое, ничего общего не имеющее с вашим приземленным опытом. А если вы вцепились в такую строку: «Но есть у храбрых важная работа:/ Идти вперед, торочить след...» и пытаетесь объяснить, что *торочить* – это обшивать, отсюда, кстати, *оторочка*, и надо было бы, наверное, *торить* (но тогда бы поэтесса не попала в размер), т.е. пролагать путь по целине, то вы вообще придира и больше никто.

И что уж, действительно, придирается к поэзии, которая, как известно, «должна быть глуповата» (Бродский за эти слова тут бы нас и пристрелил. И был бы прав.), когда новые писатели-литературоведы, просветители темной эмигрантской массы такое загибают... Ну хотя бы вот это: «Труд задуман как прижизненная *дань достижений мировой славистики* выдающемуся философу и филологу» — или вот так: «Главные акценты статьи сделаны на исследовании Франком в *аспекте истории литературы* философского *глубокомыслия* поэзии Тютчева». А вот как переводит автор бедного Дмитрия Чижевского с немецкого снова на русский: «Не мало конечно было попыток *преподнести* и усмотреть философское сознание в *полной глубине* Тютчевской мысли» (орфография переводчика

сохранена). Автору-просвещенцу не чужда ирония: «Фет снял хвою с Фихтенбаума, но сохранил мужское достоинство, обратив страдальца в дуба». Вспомнив, что мы в Германии, так и хочется закричать: «На какие вопросы отвечает в русском языке *Akkusativ*?» Правильно. Кого, что? Дуб все-таки предмет неодушевленный. Обратиться страдальца можно было только в дуб, в камень, в столб. Вот если бы он обратился его в котА, тогда другое дело. Просто как-то неловко об этом говорить. Заглядывайте иногда в грамматику русского языка и в словари, они, между прочим, именно для этого написаны.

И помните, пожалуйста, дорогие новые писатели, что мы читатели старые, мы любим читать, мы много чего за нашу жизнь прочитали – есть с чем сравнивать. Не позорьте наш великий и могучий.

И перестаньте, наконец, кричать о каком-то немыслимом культурном потенциале, который вы привезли из славного города Мочегонска сюда, на задворки Европы, и заламывать руки в обиду на тупых немцев, не желающих принимать вас в свою элиту и переводить ваши безумные, скучные опусы, у них у самих писателей девать некуда. Скромнее будьте, скромнее, и люди, как говорится, к вам потянутся. Возможно.

НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ

*(Аркадий Полонский «О некоторых особенностях любовной лирики Тютчева»,
Бюллетень Толстовской библиотеки № 118, сентябрь 2003)*

Иногда считаешь эмигрантские издания и призадумываешься: ну вот чтобы мы, убогие, делали, если бы не находились самоотверженные, просвещенные кандидаты технических наук, которые отваживаются простыми и доходчивыми словами разъяснить нам смысл и содержание некоторых лирических стихов. Ведь поэтические речи, что уж греха таить, часто, очень часто бывают непонятны, одно слово – «темны и ничтожны», сами стихотворцы и признаются. И внимать им без волнения решительно невозможно, потому как, ежели нормальный читатель чего не понимает, то волнуется, бегаёт по знакомым и спрашивает друзей. И все отмахиваются и говорят, мол, там всё сказано, ну в стихах этих. А что там сказано-то, там ведь сам чёрт ногу сломит – слова как слова, некоторые даже изысканные, а смысл абсолютно «темный», вроде про любовь, а может, наоборот. Тут как раз и приходит на помощь участливый человек, руку тебе протягивает и своими человеческими словами всё и объясняет.

«Некая дева во власти эроса. Она среди благоухающих роз, переживает нарастание волнения: грудь её спирает, ланиты горят, блеск очей мутится и тоскует, на ресницах проступили слёзы...Ощутимо присутствие автора. Он не равнодушен к проявлениям девичьей чувственности, он рядом, очень близко. Они желанны друг для друга...В картине присутствует еще один неожиданный персонаж: стрекоза! Звучание её голоса подчеркивает огромность пространства и единственности (не одиночества!) на плэжере двух персон: Девы и Поэта. Они в раю! Все трое! Их томит ожидание приближающейся эмоциональной грозы. Чувство млеет и горит в жилах. Оно сладостно, как божественный напиток, переполняется и изливается в окружающий простор, в знойный воздух».

Вот как, оказываются, можно всё просто описать, и даже ужасная, кощунственная мысль мелькнёт, ну зачем стихами, зачем так сложно-то, но мы её прогоним, прогоним, мы дальше будем внимательно и с благодарностью читать и постигать «некоторые особенности любовной лирики Тютчева», тем более, что попутно узнаёшь очень много нового, например, о вечно поэтическом персонаже. Ну, который третьим был в раю. С Поэтом и Девой. Да, нет – какой змей, вы невнимательно читали. Стрекоза это – насекомое

такое. А в поэзии – метафора. *«Она старая дева не потому, что её в жены не берут: замуж она сама не хочет, изводит капризами своих жучков-любовников, побалуется и бросает их, несчастных...»* Все эти детали очень важны для понимания поэзии, а то, неровен час, можно опростоволоситься, как Надежда Яковлевна Мандельштам (жена поэта), которая *«увлечения Мандельштамом летающими насекомыми так и не заметила»*. Жена называется. А вот поэту Тютчеву с женой повезло, она понимала не только тексты любимого мужа, но и его подтексты, *«столь чутко супруги осязали друг друга на расстоянии»*, а что было делать – только так, только на расстоянии – коль скоро возлюбленная поэта *«постоянно требовала проявления его любви и разрыва с семьёй.....он становился пленником её страсти и начинал тяготиться своей участи.....жизненная стихия обратила к поэту свою угрюмую сторону»*.

А самое замечательное, что это не только литературоведческое исследование, а просто какой-то подробный, наглядный сценарий, в чем-то даже мистический, чуть ли не либретто:

«Дева погружается в мир, заполненный неким жизни преизбытком. Внешний мир в гармонии с внутренним, однако, доминирует над ним. Звучание голоса стрекозы усиливает эту доминанту. Сферы внешнего и внутреннего миров имеют центральную единую точку: это Дева. Поэт как бы на периферии сфер, его внимание направлено от себя, на центр!»

Согласитесь – удивительно чёткая картинка получилась. Так и видишь, кто где стоит, где Поэт, где Дева, кто куда смотрит, на кого обращает внимание, куда погружается и кто над кем, прошу прощения, *доминирует*.

Другое дело, что неясно, на каком языке это написано, вроде бы на каком-то славянском. Похоже на русский, но не очень – падежи какие-то странные и привычные слова расставлены невообразимым манером.